

ЗУЛУМЯН Б.С.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

**БРЮСОВСКИЙ ТЕКСТ В СБОРНИКЕ
«ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ» МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН**

Ключевые слова: *М. Шагинян, «Первые встречи», В. Брюсов, З. Гиппиус, реминисценции, «Urbi et Orbi».*

Мариэтта Шагинян (1888-1982) формировалась как мыслитель и художник в атмосфере Серебряного века, когда гуманитарная культура, достигшая особой изысканности и рафинированности, ознаменовалась множеством дарований – гениев и просто талантливых людей: всегда тонких и своеобразных художников и интеллектуалов. Жизнь М. Шагинян в интереснейших пересечениях судеб, событий составила одну из ярких страниц сложнейшей духовно-культурной мозаики этого времени.

К периоду жизни в Москве, а затем и в Петербурге, относятся многообразные знакомства М. Шагинян с литературной богемой и художественной интеллигенцией. Раз за разом возникают удивительные отношения с выдающимися людьми эпохи: дружба с Вл. Ходасевичем; дружба-влюбленность с А. Белым; дружба-поклонение с З. Гиппиус, Д. Мережковским, С. Булгаковым, П. Флоренским; чуть позже – с композиторами С. Рахманиновым, Н. Метнером и его братом Эмилем, с которым связана драматическая история любви молодой М. Шагинян, а также знакомство и переписка с А. Блоком.

В советской критике утвердилось мнение о подражательности ее дореволюционного творчества, и сегодня слава у М. Шагинян скорее одиозная, ее творчество вытеснено на периферию исследовательского и читательского внимания. «Советскость» ее облика заслонила предшествующие заслуги (хотя ее сборник «Orientalie» переиздавался пять раз и удостоился широкого и положительного отклика критиков), либо время – строгий судья – расставило свои акценты, и она стала фигурой

третьеразрядной, не упоминаемой в солидных академических изданиях.

Однако такое отношение исследователь русского стиха М. Гаспаров считает не совсем правильным: «Ранние произведения Мариэтты Шагинян – как в стихах, так и в прозе – мало привлекают внимание современных исследователей. Конечно, это объясняется их неприязнью к *поздней ее литературной продукции*, крайне обильной и крайне неравноценной. Тем не менее, *это несправедливо. В них возможны самые неожиданные открытия*» (*курсив мой – Б.З.*) [Гаспаров:эп. рес.]. К 30-ым гг. XX века она почти уже перестала писать художественные, в том числе и поэтические произведения. Дореволюционный же этап своего творчества считала этапом пройденным, но не вычеркнутым из своей биографии. Думается, именно этот, первый этап был, так же, как и последующие, периодом высоких художественных достижений в долгой творческой биографии М. Шагинян. Творения М. Шагинян, получив жизнь, независимо от отношения их создателя, вошли в литературный процесс, не только заняли в нем свое историческое место, но и живы сегодня своими поэтическими обретенными.

1905-1908 гг. для М. Шагинян были периодом активной работы в области поэтической, профессиональной. Анализируя начальный этап своего писательского становления, М. Шагинян подчеркивает, что, как ни мало влияли на нее эти поиски «чистой формы», они все же сыграли существенную роль в ее писательской практике: «наступило время расцвета декаденства, символизма, расцвета литературы, которая в поисках новой формы, в бунте против старых форм искала пассивного удовлетворения своему недовольству окружающим» [Шагинян 1971:18].

Годы жизни в Москве и учебы на высших курсах Герье стали настоящими университетами жизни для М. Шагинян. Невольно задаешься вопросом: как совсем еще юная, вчерашняя гимназистка, можно сказать, провинциалка (хотя она родилась и до тринадцати лет росла в Москве, в интеллигентной семье, получила хорошее домашнее образование), становится корреспондентом – собеседником, сомыслителем! – выдающихся

личностей, художников, творивших эпоху? В силу таланта ли, прорывающегося уже не тонким ручейком, а бурным потоком, изливающимся на бумагу в самых различных жанрах (стихов, прозы, очерков, эпистолярном, в том числе в форме писем, которые они с сестрой называли «регламентациями»), страстной природы ли, спешащей жить и чувствовать, природной неумной потребности познавать, понять, осмыслить, либо еще каким-то, присущим ей, чертам характера? Она сдружилась со многими представителями тогдашней московской интеллигенции, причем все они становились не просто официальными знакомыми, но душевно близкими, заинтересованными в ее судьбе и в общении с ней людьми. Она же писала об этом: «Кто только сюда не захаживал! Дом Феррари и вправду стоил бы почетной доски с надписью» [Шагинян 1982:195].

Именно поэтому начальный период жизни и творчества М. Шагинян представляется не менее интересным и ценным, чем последующий советский, которому она служила со всей страстностью и искренностью своей ищущей природы, как с точки зрения художественных обретений, так и в качестве фигуранта историко-культурного процесса того времени.

М. Шагинян выделяет шесть эпизодов своей личной жизни того периода (1907-1909 гг.), которые происходили почти одновременно, и, по «катастрофичности» вызванных ими переживаний, один не уступал другому: 1. учеба (лекции и семинары М. Виноградова, Г. Шпета, Н. Радцига), 2. репетиторство, написание статей в газету «Приазовский край», «Новое слово»; 3. кружок Новосельцева, 4. «вторники» Литературно-художественного кружка, знакомство с В. Брюсовым, 5. переписка и знакомство с З. Гиппиус, 6. переписка и встречи с А. Белым [там же:224].

Время создания первого поэтического сборника было временем и бурного личностного роста, и обретения опыта, и серьезных душевных и мировоззренческих потрясений. Как всегда, пути переплавки жизненных впечатлений и поэзии причудливы и не поддаются однозначному истолкованию, но

очевидно то, что в это время М. Шагинян уже прошла суровую жизненную и профессиональную школу.

Это был период возникновения тех явлений, которые впоследствии оформились в направления, течения, а то и вовсе в коренные сломы художественной практики, как это имело место начиная со второй декады XX века. Но до эпохи авангарда, символизм решил задачу обновления литературного арсенала, более того – сыграл культуuroобразующую роль, охватив почти все виды искусства.

Любопытны рассуждения М. Шагинян, оказавшейся в центре литературной жизни. Впоследствии она подробно напишет об этом в своей книге «Человек и время». Приведем ее высказывание, чрезвычайно важное для понимания художественной атмосферы времени, почти целиком: «Сегодня трудно представить, какой безвкусной, какой нетребовательной, какой убийственно банальной была “поэтическая форма” у начинающих. Эстетическим идеалом считался Надсон. Его эстетическая красивость, однообразие его ритма и эпитета, казались молодежи необыкновенно музыкальными и “звучными”, – самое слово “звучный” было тогда в моде у нас. И вот наперекор этой красивости новое течение в поэзии, назвавшее себя символизмом, поставило перед нами *проблему формы как максимальной выразительности*. “Декаденты” научили смотреть на стихотворение – ритм, эпитет, метрику, язык, образ, инструментовку во всей уже накопленной их культуре – как на серьезнейшее и труднейшее дело, над которым надо крепко поломать голову, честно и кропотливо потрудиться, подобно тому, как просиживает над своими чертежами изобретатель. Они познакомили нас с культурой стиха, с пониманием красивости как противоположности красивости, они раскрыли пред нами все богатства французской школы, и мы словно впервые глаза протерли, словно впервые поэтами стали, когда перед нами начал “линять” наш любимец, Сюлли-Прюдом, поставленный рядом с Верленом. В жизни художника, минута, когда он начинает постигать *серьезность* технологии своего ремесла, когда он видит преемственное ее развитие в веках, <...> – это очень большая

минута. Я ее пережила не менее сильно и остро, нежели мои собратья. <...> Философия, извлеченная мною из формальной работы над стихом, не могла, разумеется, удовлетворить меня всерьез... Да и сами символисты смотрели на свое течение глубже, они искали слова не ради слова, а ради наибольшей выразительности скрытого в нем смысла, и очень скоро углубились в этот смысл настолько, что сильнейшие представители течения – Брюсов, Белый, Блок, Вяч. Иванов – провозгласили символизм – мировоззрением» [Шагинян 1971:19].

В это время М. Шагинян уже опытный корреспондент нескольких газет: «Приазовский край», «Бакинский рабочий». Одним из первых, с кем она знакомится в Москве, был издатель «Русского слова» Сергей Яблоновский – дружба и сотрудничество с ним продлятся многие годы. Супруги Яблоновские опекают ее, вводят в литературные круги. Они дарят ей абонемент на заседания Литературно-художественного кружка, и посещение «вторников» становится для нее обязательным.

Неоднократно на заседаниях кружка М. Шагинян слушала выступления мэтра символистского течения и, как многие, была под впечатлением его неординарной личности и поэзии. «Мы все в те годы поклонялись Валерию Брюсову», – напишет она впоследствии [там же:203]. Атмосфера эпохи, когда художники не только творили в соответствии со своими эстетическими представлениями, но и жили, создавая особую атмосферу, отрешенную от пошлости существования, замечательно переданы в эпизодах, рассказанных М. Шагинян: «Брюсов как никто другой подходил под титул “мэтра”. Мастер, мэтр – недостижимый в поэзии, в прозе, в критических оценках. Недоступный. Окруженный легендами. Тот, из-за кого молоденькая поэтесса, полная жизни, – словно в книге – застрелилась. Тот, кто сказал, что все в этой жизни – лишь средство для “певучих стихов”. И в том, как он выглядел, некрасивый и чопорный, жесткий и требовательный, было особое обаяние для молодежи» [Шагинян 1982:203].

М. Шагинян особо подчеркивает эпизод его посещения М. Врубеля как характеризующий натуру В. Брюсова-поэта и

человека: «<...> к умирающему, душевнобольному Врубелю Брюсов пришел в больницу и убедил его – написать с него портрет. Он позировал перед больным. И Врубель написал гениальный портрет» [Шагинян 1982:203].

Творческое восприятие поэзии В. Брюсова и символистов в целом, несомненно, отразилось на первом сборнике стихов М. Шагинян «Первые встречи».

История знакомства с Вл. Ходасевичем также показательна для понимания ее страстной и равнодушной натуры. Прослышав о невероятных отношениях Вл. Ходасевича с супругой: якобы он ее истязает и тиранит (а такие небывлицы были в ходу в тогдашней поэтической среде), она вызывает его на дуэль. Все заканчивается миром, и на долгие годы они становятся друзьями. Несмотря на несколько ироничные воспоминания Вл. Ходасевича впоследствии, он в то время был частым гостем в доме Феррари. Во время долгих посиделок читал стихи – а читал он, вспоминает М. Шагинян, неподражаемо. Ритмический рисунок чтения Вл. Ходасевича стихотворения А. Пушкина «К музе» позже она воспроизведет в своем анализе для С. Рахманинова, когда в 1910 г., по его просьбе, будет подбирать композитору стихи для цикла романсов. Из рекомендованных ею тридцати С. Рахманинов взял «К музе», который посвятил М. Шагинян. Ей же посвятил свой романс «К музе», написанный на те же слова А. Пушкина, Н. Метнер, с семьей которого был связан значительный и важный период жизни М. Шагинян.

Вл. Ходасевич в один из своих приходов не застал сестер дома и забыл у них книжку. Это была первая книга стихов З. Гиппиус, ее прочитала М. Шагинян, и ее поэзия «совершенно потрясает и определяет дальнейший путь моего развития, – по признанию писательницы, – на ближайшие три года развития» [Шагинян 1971:20].

Анализируя начальный этап своего писательского становления, М. Шагинян подчеркивает, что, как ни мало влияли на нее эти поиски «чистой формы», все же они сыграли существенную роль в ее писательской практике: «наступило время расцвета декаденства, символизма, расцвета литературы, которая в

поисках новой формы, в бунте против старых форм искала пассивного удовлетворения своему недовольству окружающим» [там же:18].

В это время шла активная работа в области поэтической, профессиональной, и очевидно, что М. Шагинян долго, кропотливо и целенаправленно работала над своими произведениями, осваивая культурное поле, ее окружающее. Именно в эти годы писались стихи, составившие ее поэтический сборник «Первые встречи», вышедший 1909 году. В него вошли стихотворения 1906-1908 гг.

Попробуем понять, какова же в действительности картина литературного дебюта М. Шагинян.

В отличие от более поздних оценок советского времени, интересны и существенны оценки современников, и все они положительно отзываются о ее творчестве.

В атмосфере конца 1900-начала 1910 гг., когда поэтический небосклон был полон звезд, малых и больших, ее скромная книжка могла и вовсе пройти незамеченной. На сборник откликнулась газета «Приазовский край» (1909 г., 19 января). Тогда же на него обратил внимание такой крупный критик того времени, как И. Анненский. Еще до выхода рецензии З. Гиппиус писала М. Шагинян: «Вас даже, говорят, сам Иннокентий Анненский будет разбирать в “Аполлоне” рядом со мною» («Регламентации»). Архив Елены Цигаль).

В широкой панораме современной поэзии И. Анненский, обращаясь к первому сборнику молодой поэтессы, подмечает основную черту ее поэтического мира: «Здесь в монотонности третьих пеонов, заслонивших резвые хорей, встают перед вами два мира – исконно враждебных друг другу, а за ними мерцают две тайны, все же и вопреки всему магнитно влекущихся одна к другой: “И своей предвечной тайне, / Ночь раздвинула скрижали”». Далее, обращая внимание на составляющие сборник циклы, он добавляет: «Но все же истинный элемент лирики г-жи Шагинян, по-моему, не беспредметные просторы, а жизнь, загроможденная вещами, где вместо того, чтобы парить в лучах и грезах, должно пробираться среди существ комических и

мучительных (рецензент имеет в виду цикл сборника “Детские портреты” – З.Б.)» [Анненский 1909:12-14].

Уже много позже, в 1915 г., известный критик Борис Гусман в №19 «Журнала журналов» дает высокую оценку поэзии М. Шагинян, представленной в первом ее сборнике. Он пишет: «Женская поэзия или совершенно сливается с мужской (З. Гиппиус) или, при всей своей искренности, отличается известной нарочитостью позы, искренним изломом (А. Ахматова, М. Моравская). Шагинян сумела уберечь свои нежные стихи от изломанности. <...> Она сумела соединить в своих стихах мужскую четкость ритма с обаятельной мягкостью женского рисунка. Она привнесла в нашу поэзию ясную и светлую радость утра. Наша поэзия проникнута отрицанием мира, “унылостью” и тоской одиночества. Тем ценнее для нас каждая улыбка, каждый ясный и бодрый звук. В каждой строчке Мариэтты Шагинян полнейшее приятие мира во всей его сложной простоте. Все ее творчество – одна радостная, благодарственная молитва своему Богу. Ее Бог, “Светлый Бог”, в которого она бесконечно верит, которого славословит и благодарит “от утра до утра”. Изредка, правда, и ее “сладкий покой” бывает “изранен мечтой”. Но это не мечта Лилит – Соллогуба, приходящая в темные ночи, смежить очи страдальцу. Нет, это радостная греза, – мечта, слетающая к ней в трепетаньи лунного луча. И с этой сладкой мечтой еще радостнее, еще бодрее ее путь. Стихи Мариэтты Шагинян – это “золотые кружева”, сотканые из улыбок рожденного дня, мягких лунных лучей и ее светлой примиренности с бытием» [Гусман 1915:11].

Автор заметки приводит примеры из стихотворений «Я без конца благодарю...», «Мой светлый Бог», причем это стихи не из нашумевшего второго сборника «Orientalia» 1913 г, а из сборника «Первые встречи».

Очевидно, что большинство стихов М. Шагинян, начиная с 1906 г., написаны в эстетике символизма, уже получившего широкое распространение в творчестве русских поэтов этого направления и уходящего корнями во французскую художественную действительность. Однако крупнейшие из

поэтов, следовавшие символизму, оказывались не эпигонами, а создателями своего мира, который всегда индивидуален и не вмещается в те рамки школы, которую они сами декларировали.

М. Шагинян, в силу своей восприимчивости, впитывала веяния времени. Творения М. Шагинян, получив жизнь, независимо от отношения их создателя, вошли в литературный процесс, не только заняли в нем свое историческое место, но и живы сегодня своими поэтическими обретениями.

Несмотря на то, что М. Шагинян в пору создания своих поэтических сборников, «Первые встречи» и «Orientalia», не декларировала свои взгляды, а затем пыталась отрицать свою приверженность к направлениям (что, впрочем, свойственно многим художникам), в лекциях по эстетике, прочитанных в консерватории Нахичевана-на-Дону в 1918-1919 гг., она сформулировала теоретические положения, основанные на «философии неокантианства, повлиявшего на эстетику русского символизма» [Русская литература 2016:205].

Хотя М. Шагинян пишет, что она «испытала влияние Гиппиус, и только Гиппиус», однако первая часть стихов сборника написана задолго до знакомства в 1908 г. с поэзией З. Гиппиус.

Сборник «Первые встречи» состоит из циклов: «Небо», «Картинки», «Детские портреты», «Огоньки одинокие». Все стихотворения датированы 1906-1908 гг., то есть до времени знакомства М. Шагинян с поэзией З. Гиппиус, и, естественно, они не могли быть написаны под влиянием ее творчества. Заключают сборник циклы «Interieurs» и «Заколдованный замок» – эти циклы написаны после знакомства с З. Гиппиус.

Что касается первых циклов, их подражательности, ученичества или оригинальности, то внимательное прочтение выявляет следующие особенности. Очевидно, что весь сборник несет на себе эхо-след поэзии мэтра символизма В. Брюсова. Причем, со стороны молодой поэтессы это *сознательное* обращение к его поэзии. Говоря современным языком, брюсовский текст присутствует не имплицитно, а маркировано уже в названии сборника: оно навеяно его стихотворением, которое так и называется – «Первые встречи» – из цикла «Вечерные песни»

сборника «Венок» (1906 г., стихи 1903-1905 гг.). И сама идея сборника, отображенная в названии «Первые встречи», говорит о едином плане и целостности, отсылающей к «Urbi et Orbi», и о стремлении автора охватить и сиюминутное, и вечное, и земное, и небесное. Более того, эпитафия, предваряющий цикл – «Великий праздник первых встреч» (строка из стихотворения «В полдень» из цикла «Из ада изведенные» того же сборника), выбранный автором, отражает идею и интенции сборника.

Структура и композиция сборника М. Шагинян отражает замысел автора, и он также навеян брюсовским сборником и перекликается с ним. Главенствующее место отдано первому, открывающему сборник, циклу «Небо» и теме Неба, Бога, Возвышенного. Сходным мотивам посвящен третий цикл – «Одинокие огоньки». Между ними автор расположил циклы «Картинки» и «Детские портреты», дух, тематика, поэтика произведений которых, казалось бы, выпадают из содержания этих двух циклов.

Однако, если попробовать понять авторский замысел и найти давший импульс первоисточник, то ближайшим окажется поэтический сборник «Urbi et Orbi» В. Брюсова, где есть раздел «Картины. На улице»: в этот цикл вошли стихотворения, имеющие характер зарисовок, картин различных сторон городской жизни, рельефно и образно даны различные портреты обитателей улиц. Обращение к теме города как воплощения обыденного, повседневного также вписывается в символистскую эстетику, которая зиждется на оппозиции иного (совершенного) мира и этой, реальной, порой пошлой, действительности.

Учитывая программный характер названия сборника и эпитафий, отсылающих к поэзии В. Брюсова, очевидно, что раздел в сборнике М. Шагинян «Картинки. На улице» также навеян именно этим циклом, и его название корреспондирует с брюсовскими «Картинами». Произведения шагиняновского цикла также носят характер портретов и жизненных зарисовок. Циклическое деление сборника продумано, его тематическое расположение раскрывает идею автора о встречах, о радости узнавания и первых переживаниях.

Закрывающие циклы созданы уже после знакомства с поэзией, а также после личной встречи и дружбы со знаменитой поэтессой в период увлечения М. Шагинян образом старшей наставницы: это «Interieurs» и «Заколдованный замок», с посвящением – З.Н. Г. К этому циклу предпослан эпитафия из З. Гиппиус: «Мое одиночество – бездонное, безграничное, но такое душевное, такое тесное»¹. Эпитафия взята из Петрарки.

«Заколдованный замок» явно создан под впечатлением художественной манеры поэтессы. По стилистике цикл отличается от предыдущих произведений: появляются неестественные сюжеты в духе городских романсов о королевне и шуте, образы рыцаря, замка, спутника с бледным и строгим лицом, странника, одинокого инок. Антураж стихов изобилует такими штампами как железная перчатка, надушенный шарф, сад, заунывный плач арфы, такими мистическими атрибутами средневековой

---

¹ По поводу сборника Зинаида Николаевна высказалась однозначно: «Излишний трагизм ваш излечит мудрость жизни. Вернее – она покажет вам другой, более трагичный облик мира, – но другой... сбросьте этот кошмар поучений, кастрированных мыслей о православии и русских идеях etc. Ведь над нами простое небо, ведь сначала жизнь, а уж после – смысл ее (письмо от 1909) <...> скажу несколько слов о вашей книге. Она меня ничем не удивила. Такая именно, как я и думала. Это значит, что я вас уже немного знаю; по письмам только могу знать – и вот, знаю. Она, конечно, хорошая, а не дурная, но издавать ее все же не следовало. Вам легко далась отличная форма, – ну, и это вас соблазнило. Впрочем, – зачем я буду вам писать “рецензию” о вашей книге? Вы сама знаете, что там есть раздражительность, есть и в форме (которая, повторяю, хороша) неудачности. Молодое, нежное, слабое, с невыявленной глубиной, подчас красивое, никогда не пошлое, с большими “возможностями” и с такой же большой опасностью, что эти возможности возможностями и останутся. Вы понимаете, я не обидное что-нибудь говорю, а только точное. От вашей свободной воли (с сознанием) зависит, двинуть ли данное по пути к должному, или к недолжному, или никуда не двинуть. (05.02.1909)». Это мнение, высказанное в частном письме к М. Шагинян, не было опубликовано и не повлияло на мнение литературной среды (Регламентации. Архив Елены Цигаль).

тематики, как гроб, смерть. Сюжеты разворачиваются также в параметрах условной реальности и времени, неопределенности – «все-таки это было где-то» – событий, которые не вспомнить.

Именно цикл «Заколдованный замок» отличается искусственностью, театральной надуманностью, что дало, видимо, повод говорить о подражательности, распространяя его на весь сборник.

Второй сборник М. Шагинян – «Orientalia» – получил несравненно больший резонанс, чем первый сборник стихов. Читатель был подготовлен, имя было уже знакомо. Многие открытия «Первых встреч» – живописность, импрессионистичность образов, особая ритмика и музыкальность стиха, нашли развитие во втором, хотя уже совсем другом по тематике и колориту, поэтическом сборнике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И.О. О современном лиризме // «Аполлон». 1909. №3.
2. Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957.
3. Богданян А.М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1989.
4. Кобринский А.А. Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007.
5. Воспоминания о Егише Чаренце. Ереван, 1986.
6. Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995.
7. Гаспаров М.Л. Стихотворение Пушкина и «стихотворение» М. Шагинян. Эл. pec.: <http://www.ruthenia.ru/document/528994.html>, 30.11.2018.
8. Гиппиус З.Н. Письма к М.С. Шагинян // Зинаида Николаевна Гиппиус: сб. М., 2001.
9. Гусман Б. «Журнал журналов», 1915. №15.
10. Русская литература рубежа веков (1890-е–начало 1920-х гг.). М., 2001.

11. Русская литература 1920-1930 годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т.1. Кн.2. М., 2016.
12. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: В 3 т. Т.3. М., 2005.
13. Серебряков К.Б. Приближение прошлого: Очерки. Встречи. Воспоминания. М., 1988.
14. Серебряков К.Б. Уроки жизни. Штрихи к портрету и беседы с ней. М., 1971 г.
15. Скорино Л.И. Мариэтта Шагинян – художник: Жизнь и творчество. 2-е изд. М., 1981.
16. Творчество М. Шагинян. Сборник статей. Л., 1980.
17. Шагинян М.С. Вместо предисловия. Собр. сочинений: В 9 т. Т.1. М., 1971.
18. Шагинян М.С. Мировоззрение и мастерство. Собр. сочинений: В 9 т. Т.1. М., 1971.
19. Шагинян М.С. Человек и время. М., 1982.
20. Фрезинский Б.Я. Судьбы Серапионов (Портреты и сюжеты). СПб., 2003.

BURASTAN ZULUMYAN – THE BRUSOV TEXT IN THE POETRY COLLECTION «FIRST MEETINGS» BY MARIETTA SHAGINYAN

The paper analyzes the initial period of Marietta Shaginyan's life and literary activities, the issues referring to the poetic course of «The First Meetings» poetry collection (1909), its originality and imitativeness, the influence of works by Valery Bryusov and Zinaida Gippius. The reminiscences from «Urbi et Orbi» by V. Brusov, the composition of the collection «The First Meetings» have also been considered.